

УДК 821(1-8)

ВЕНЕЦИЯ В ПРОЗЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА**Д.А. Сухоева (Пермь, Россия)****Аннотация**

В статье представлено исследование «венетианского текста» в очерковой прозе В.Ф. Ходасевича. Анализ прозаических произведений писателя о Венеции позволяет рассмотреть основные черты «венетианцы» Ходасевича 1910-х гг. К чертам «венетианцы» в прозе Ходасевича автор статьи относит неромантическое восприятие действительности, карнавальность, систему образов смерти, искусственность венетианского пространства, негативно представленные образы туристов. Кроме того, автор статьи исследует сходства и различия творчества Ходасевича и творчества современников писателя. В статье делается вывод о том, что в прозе и в лирике Ходасевича Венеция явлена различно: в стихотворениях писатель ближе к традиции, в очерках – отдаляется от нее; в ранней «венетианской» лирике присутствует образ возлюбленной, в прозе образ возлюбленной не появляется; в поэзии действительность представлена в романтическом ключе, в прозаических произведениях – в экзистенциальном.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, «венетианца», образы смерти, образы туристов, неромантическое восприятие действительности, искусственность, карнавальность.

Понятие «венетианский текст», или «венетианца», в научный обиход было введено в работах «Венеция в русской литературе» [1999] и «Сверхтексты в русской литературе» Н.Е. Меднис [2003]. Русская «венетианца» понимается исследователем как «особый литературный пласт, благодаря которому в российском ментальном пространстве реализуется присутствие Венеции как необходимого душе уголка мира. За пределами своими, интегративно представленная в качестве цельного текста, Венеция продолжает жить как единица национально-го сознания, как комплекс смыслов и переживаний» [Меднис, 1999, с. 5].

Исследователи «венетианского текста» в русской литературе в ряде работ рассматривали собственно лирику В.Ф. Ходасевича о Венеции [Hughes, 1994; Устинов, 2010; и др.] и в связи с творчеством писателей Серебряного века и писателей второй половины XX в. [Лосев, 1996; Меднис, 1999; Соболева¹, 2010 и др.], «венетианская» проза писателя, однако, не рассматривалась. В данной статье мы остановимся на подробном анализе «итальянских» очерков писателя, в которых выявляются основные характеристики венетианского текста. К «венетианским» произведениям раннего периода творчества писателя можно отнести очерки «Город разлук. В Венеции» и «Ночной праздник. Письмо из Венеции», написанные в 1911 г. во время первого пребывания Ходасевича в Италии («1911, июнь – август – путешествие в Италию для лечения; живет в Нерви с Е.В. Муратовой, затем в Венеции» [Шубинский, 2012, с. 512]).

Оба очерка Ходасевича отличаются тем, что в них писатель отдаляется от традиции изображения Венеции в русской литературе, тогда как для многих поэ-

¹ Соболева О.В. Венецианский текст в современной русской литературе: 1996–2009 гг. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2010. 166 с.

тов Серебряного века Венеция представляла собой романтическое место («*Как на древнем, выцветшем холсте, / Стынет небо тускло-голубое... / Но не тесно в этой тесноте / И не душно в сырости и зное*» [Ахматова, 1998, с. 100]; «*И чья-то кротость, всепрощенье / И утешенье: все пройдет! / И золотые отраженья / Дворцов в лазурном глянце вод*» [Бунин, 2006, с. 126; и др.]). Город, воспетый романтиками как место любви, Ходасевич в своих очерках изображает как город разлук («*Нигде так легко не расстаетесь с надеждами и людьми, как в Венеции. Там одиночество не только наименее тягостно, но наиболее желанно. И вовсе не для того, чтобы сосредоточиться, уйти в себя, но напротив: чтобы забыть себя, потерять былое, сделаться одним из тех, кто часами сидит на набережной, глядя в туманную даль лагуны или на узкую башию San Giorgio. Венеция – город разлук <...>. Здесь хочется не любить и не хочется быть любимым*» [Ходасевич, 1997, с. 14]). Во многом нарушение традиции у Ходасевича связано с созданием автобиографического мифа. В исследовании ходасевичевского сборника «*Стихи о царевне*» А.Б. Устинова, где литературовед анализировал сборник с точки зрения биографии поэта, времени создания и публикации стихотворений, исследователь приходит к тому, что Ходасевич мифологизировал биографический факт разлуки с Муратовой, поскольку в Венеции они встретились, и только потом расстались («из Венеции Муратова и Ходасевич уехали в Нерви, откуда совершали поездки в Геную и Флоренцию» [Устинов, 2010, с. 97]). Мифологизация связана с тем, что «роман с Муратовой воспринимался поэтом как лирическая матрица будущего сборника. Уже после отъезда возлюбленной в Россию Ходасевич 30 июля 1911 г. из Венеции пишет ей письмо, в котором, по-видимому, сообщает о планирующейся книге стихов» [Устинов, 2010, с. 93–94]. Еще одним подтверждением тому, что в реальности Венеция не стала городом разлук для Ходасевича, а была лишь авторским мифом, служит упоминание Н.Н. Берберовой о том, что именно этот город в воспоминаниях Ходасевича ассоциировался с Муратовой («*Неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости. <...> Я только частично участвую в его переживаниях, я знаю, что он сейчас смешивает меня с кем-то прежним*» [Берберова, 1996, с. 249]). Таким образом, благодаря автобиографическому мифу Ходасевича образ Венеции в его очерках перестает быть традиционным, исчезает романтическое восприятие действительности.

Однако «венецианские» очерки Ходасевича все же могут быть вписаны в ряд произведений о Венеции современников писателя. «В период Серебряного века репрезентативными для венецианского текста становятся произведения, созданные на основе личных впечатлений. <...> Авторы видят в Венеции в первую очередь не географическое, а культурное пространство. «Тоска по мировой культуре», характерная для Серебряного века, отражается и в венецианском тексте. <...> Поэтому именно в этот период в венецианском тексте большую роль начинают играть, с одной стороны, мотивы, связанные с христианской и античной мифологией, с историей, с живописью и архитектурой, а с другой – философские мотивы, размышления о жизни и смерти, о судьбе, предназначении челове-

ка» [Соболева², 2010 с. 56–57]. В ранней лирике Ходасевича об Италии также появляются образы античные и христианские, философские рассуждения о жизни и смерти. И Ходасевич, и его современники изображали природу Венеции в ярких красках, однако ассоциировали ее со смертью («*И дымка млечного опала, / И солнце, смешанное с ним, / И встречный взор, и опахало, / И ожерелье из коралла Под катафалком водяным*» [Бунин, 2006, с. 126]; «*Я вновь целую богомольно / Венеции бессмертный прах!*» [Брюсов, 1973, с. 530]; «*Холодный ветер от лагуны. / Гондол безмолвные гроба. <...> Таясь, проходит Саломея / С моей кровавой головой*» [Блок, 1997, с. 71]; «*Крикнул. Его не слышали, / Он, оборвавшись, упал / В зыбкие, бледные дали / Венецианских зеркал*» [Гумилев, 1996, с. 141]). Отмечаемый многими исследователями мотив смерти, характерный для русской «венецианы» начала XX в., появляется и в очерковых произведениях Ходасевича. В прозе Ходасевича Венеция сравнивается с царством Аида («*Седой старик, в рубахе, растянутой на груди, с засученными рукавами, стоит на корме и, напрягаясь, огромным веслом толкает барку вперед. Он похож на Харона. // О, легкие тени венецианского утра! Вы, похожие на людей, – только лукавые призраки. Не в жутком сумраке ночи, но в добега раскаленном и трепетном воздухе дня проплываете вы словно из кулисы в кулису. Да, из сырого Аида поднялись вы сюда, на поверхность земли, еще раз погреться на солнце, мелькнуть и исчезнуть*» [Ходасевич, 1997, с. 12]).

В поэзии современников писателя можно увидеть образы праха, гроба, катафалка, в очерке Ходасевича «Город разлук. В Венеции» появляется целая система образов смерти (Аид, Харон, призраки, сумрак, подземелье). Эта трансформация Венеции в творчестве Ходасевича во многом обусловлена изменением мировосприятия писателя.

Венеция писателем воспринимается не только как мертвый и неромантичный, но и как искусственный город, это же можно сказать об образах других европейских городов в эмигрантском творчестве писателя. Если современники Ходасевича практически не делали акцентов на искусственности Венеции, то в его произведениях искусственность – это одна из важных характеристик города («*Блистательно возникновение этого города наперекор природе, и многозначительно каменное его однообразие. Венеция – прообраз титанической дерзости и неизбежной ограниченности человеческого ума. Венеция есть причуда гения, и оттого в этом городе, таком прихотливом и странном, полном прекраснейших образцов барокко, менее всего хочется быть естественным*» [Там же, с. 13]).

Таким образом характеризуя Венецию, Ходасевич становится близок Б.Л. Пастернаку, сравнившему Венецию с каменной баранкой («*Размокшей каменной баранкой / В воде Венеция плыла*» [Пастернак, 2003, с. 68]). Ходасевич также акцентирует внимание на том, что Венеция вся полностью сделана из камня: «*Природу отвергла она сознательно и свободно. Укрепив зыбкую свою почву, она не колебалась скрыть ее под сплошным каменным покровом. Можно было бы сказать,*

¹ Соболева О.В. Венецианский текст в современной русской литературе: 1996–2009 гг. : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2010. 166 с.

что стихии венецианца суть вода, воздух, огонь и камень. Тощие деревья, кое-где выглядывающие из-за каменных стен, здесь до очевидности не нужны, да их, слава Богу, и немного» [Ходасевич, 1997, с. 12]. Однако каменная Венеция Ходасевича все же отличается от Венеции Пастернака. В искусственности каменного города Пастернак видит лишь мертвое и отрицательное начало, а Ходасевич образ Венеции наделяет положительными коннотациями: писатель с любовью и трепетом относится к искусственной Венеции («*Трудно уехать отсюда домой, в Россию. Здесь научаешься любить камни, черную воду каналов, соленые испарения моря, рыжие занавески на окнах да людей, проходящих, как тени*» [Там же, с. 13]).

Искусственность Венеции, которую фиксирует Ходасевич, можно назвать ключевым свойством этого города. Искусственность касается не только природного, индустриального начала Венеции, но и характера венецианцев. Ходасевича, как и многих русских писателей, интересует такая черта национального характера итальянцев, как карнавальность. П.П. Муратов описывает карнавальность как феномен XVIII в. и отмечает, что благодаря религиозному циклу, современные итальянцы сохранили средневековое сознание, поэтому карнавальность в понимании Муратова так же естественна, как веселость итальянцев («*XVIII век был веком маски. В Венеции маска стала почти что государственным учреждением, одним из последних созданий этого утратившего всякий серьезный смысл государства. С первого воскресенья в октябре и до Рождества, с шестого января и до первого дня поста, в день св. Марка, в праздник Вознесения, в день выборов дожа и других должностных лиц каждому из венецианцев было позволено носить маску*» [Муратов, 1994, с. 23]). Ходасевича карнавал интересует как первооснова и основа жизни современного итальянца («*Там, где в минувшие времена карнавал продолжался шесть месяцев, где полгода ходили в масках, простота теряет всякую цену. Жизнь становится игрой, опасной и тонкой*» [Ходасевич, 1997, с. 13]). Карнавал как образ перевернутого мира и для Муратова, и для Ходасевича является характерным для итальянской истории, современной культуры и быта. Но в прозе Ходасевича карнавальность определяет искусственность в поведении современного итальянца. В данном случае интересно сравнить точки зрения Муратова и Ходасевича с мнением В.В. Розанова, который в «Итальянских впечатлениях», напротив, отметил, что карнавал как феномен исчез из итальянской культуры после войны с Наполеоном («*Ведь она [Италия. – Прим. Д.С.] замерла только с Наполеоном, т.е. очень недавно, имея до этого времени всю полноту исторического, и грозного, и прекрасного существования, с нарядами, масками карнавала и судом инквизиторов. Поразительно, до чего Наполеон без усилий справился с нею: трепет и красота веков полетели в Canale Grande как оловянные солдатки, – и потонули*» [Розанов, 1994, с. 121]).

По мнению Н.Е. Меднис, «Соединение образов карнавала и театра очень характерно для венецианского текста. Карнавальные маски, родившись на улице, легко шагнули в Венеции на сцену и со сцены снова пришли на улицу» [Меднис, 1999, с. 155]. Однако Ходасевич делает акцент на искусственности карнавала, которая об-

условлена, по мнению писателя, огромным количеством иностранных туристов, наполняющих Венецию и требующих развлечений («*Времена празднеств венецианских минули безвозвратно. Нынешний венецианец забыл уже о полугодовалом карнавале, которым тешились его предки. Но о том, что заезжему иностранцу нужна хоть бы тень прежних этих празднеств, он помнит*» [Ходасевич, 1997, с. 8]).

Многие русские писатели отмечали такую особенность Венеции, как особый паломнический дух этого города. Л.В. Лосев, анализируя стихотворения Ходасевича «Нет ничего прекрасней и привольней», А.А. Ахматовой «Венеция» и Б.Л. Пастернака «Венеция», приходит к выводу, что именно в этих стихотворениях «Венеция, которая прежде была лишь красивым фоном любовного свидания или смерти, предстает в этих трех стихотворениях как место назначения лирического паломничества – место, в котором перестают действовать обычные законы логики и психологии: там в тесноте не тесно, в духоте не душно, там утрата переживается как приобретение, там даже можно бросаться в самое себя» [Лосев, 1996, с. 29]. Однако в прозе Ходасевича Венеция как место паломничества перестает существовать. В очерках писателя город населен не паломниками, но туристами, которых Ходасевич наделяет рядом негативных черт. Туриста З. Бауман называет «потомком паломника», появившимся позднее, чем паломник, и имеющим другие цели. Цель туриста проста, он «сознательно и систематически ищет приключений новых, непохожих на старые переживания» [Бауман, 1995, с. 146]. Турист полагает, что мир «принимает форму по желанию туриста, его делают и переделывают, думая лишь об одном: взбодриться, получить удовольствие, развлечься. <...> Туристический мир целиком и полностью структурируется по эстетическим критериям» [Там же, с. 147].

Ходасевич одним из первых русских писателей останавливается на образах венецианских туристов. Большинство поэтов Серебряного века отождествляли себя с Венецией, ощущали там поэтическое освобождение. Этот город ассоциировался с мифологическими и библейскими персонажами (Наяда, Саломея и др.), художниками и историческими деятелями (Тициан, Данте, апостол Марк и др.). В прозе Ходасевича Венеция теряет ореол славы античного города. Ее пространство заполнено современными иностранными туристами («*Венеция живет иностранцами. Чтобы привлечь их, мало одного Лидо с его прекрасным пляжем и немислимопошлым курзалом. В Венеции, осмотрев дворец дождей, каждый толстобрюхий немец хочет быть “немного венецианцем”, разрешить себе это, как дома разрешает порой лишнюю кружку пива или послеобеденную сигару. Ведь он что-то слышал о Тициане и Аретине!*» [Ходасевич, 1997, с. 8]).

В очерках о Венеции Ходасевич упоминает не только Тициана, но и некоторые топосы, отмеченные Н.Е. Меднис как характерные для русской венецианы (собор св. Марка как центральную точку, Пьяццу, Пьяцетту, Дворец дождей, Прокурации, Мост вздохов, тюрьму, Риальто, дворцы, библиотеку, Академию, церкви Санта-Мария делла Салюте и Сан-Джорджо Мажоре [Меднис, 1999, с. 50]). Несмотря на то, что Ходасевич остается верен традиции, когда указывает в своих

произведениях на венецианские топосы, к описанию этих мест писатель подходит отнюдь не с романтической точки зрения. Венеция предстает перед автором в экзистенциальном ключе («Тронулись вдоль Большого Канала, туда же, куда и все: к мосту Риальто. Налево, озаренная белым рефлектором, тяжелым рельефом лепится церковь S. Maria della Salute. Перед ней – толпа народа на набережной. Похоже на оперу. Направо – шикарные отели растянулись пестрой, бездарно иллюминированной вереницей. Все это расцвечено дико и безвкусно, главное – дешево, во вкусе купальщика-иностранца» [Ходасевич, 1997, с. 9]).

Итак, поэзия Ходасевича во многом отвечает традиции описания Венеции и Италии в русской литературе. В его стихотворениях появляется романтическое настроение («Тихий вечер мирно и спокойно / Сыплет в море синие цветы» [Ходасевич, 1996, с. 126]; «Благодари богов, царица, / За ясность неба, зелень вод, / За то, что солнце ежедневно / Свой совершает оборот; / За то, что тонким изумрудом / Звезда скатилась в камыши» [Там же, с. 127]), Италия, как и в творчестве многих современников писателя, предстает как место паломничества поэта, как новый дом («Смотря на эти скалы, гроты, / Вскипанье волн, созвездий бег, / Забыть убогие заботы / Извечно жаждет человек» [Там же, с. 309]). Однако в прозе Ходасевич часто отходит от традиции в изображении города. В очерках о Венеции писатель описывает искусственное начало этого города, основанное на отсутствии природы, наличии каменной архитектуры и театральности венецианцев, превращающих карнавал в искусственное действие, ориентированное на приезжающих в Венецию туристов. Усиливая негативное изображение Венеции, Ходасевич избегает поэтизации образа города и пользуется приемом прозаизации (Santa Lucia, которая сливается современной пошлой песней о юбке и штанах; церковь, освещенная белым рефлектором; отели, которые растянулись бездарной вереницей, Лидо с невысказанно пошлым курзалом и др.). Можно сказать, очерки Ходасевича о Венеции развенчивают венецианский миф начала XX в. В очерках писатель делает акцент на искусственности города, пусть и гениальной искусственности. Изображение Венеции в прозе Ходасевича включает в себя целые ряды образов смерти. Кроме того, в очерках Ходасевича появляется описание феномена туризма, отражающего особенности эпохи.

Библиографический список

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1: Стихотворения. 1904–1941. 968 с.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. 736 с.
4. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3. 994 с.
5. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. Лит, 1973. Т. I: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. 672 с.
6. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 2: Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910). 592 с.

7. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 2: Стихотворения. Поэмы (1910–1913). 344 с.
8. Лосев Л.В. Реальность Зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского // Иностранная литература. 1996. № 5. С. 224–237.
9. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 392 с.
10. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. 170 с.
11. Муратов П.П. Образы Италии. М.: Республика, 1994. 592 с.
12. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. Т I: Стихотворения и поэмы 1912–1931. 576 с.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: Среди художников. М.: Республика, 1994. 494 с.
14. Успенский П.Ф. Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900–1917). Тарту: University of Tartu Press, 2014. Вып. 32. 214 с.
15. Устинов А.Б. Венецианский роман Владислава Ходасевича // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 92–116.
16. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1: Стихотворения и литературная критика 1906–1922. 591 с.
17. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. 592 с.
18. Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с.
19. Hughes R.P. Khodasevich in Venice // For SK. In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky. Berkeley, 1994. P. 145–162.

Сведения об авторе

Сухоева Дарья Александровна, преподаватель кафедры русской литературы, Пермский государственный университет; e-mail: darya.sukhoeva@gmail.com

VENICE IN THE PROSE OF V.F. KHODASEVICH

D.A. Sukhoveva (Perm, Russia)

Annotation

The article presents the study of the “Venetian text” in the sketch prose of V.F. Khodasevich. The analysis of the writer’s prose works about Venice allows us to examine the main features of the Khodasevich’s “Venetiana” of the 1910s. The author of the article refers the non-romantic perception of reality, carnivalism, the system of images of death, the artificiality of the Venetian space, negatively presented images of tourists to the features of “Venetiana” in Khodasevich’s prose. In addition, the author explores the similarities and differences between Khodasevich’s works and the works of the writer’s contemporaries. The article concludes that in the prose and in the lyrics of Khodasevich, Venice is shown in various ways: in poems the writer is closer to tradition, in essays he moves away from it; the early “Venetian” lyric poetry is characterized by the image of the beloved, in prose the image of the beloved does not appear; in poetry, reality is represented in a romantic vein, in prose it is shown in an existential way.

Key words: *V.F. Khodasevich, “Venetiana”, images of death, images of tourists, non-romantic perception of reality, artificiality, carnivalism.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Akhmatova A.A. Sobranie sochinenij: v 6 t. Moscow: Ellis Lak, 1998. T. 1: Stihotvorenija. 1904–1941. 968 p.
2. Bauman Z. Ot palomnika k turistu [From pilgrim to tourist] // Sociologicheskij zhurnal. 1995. № 4. P. 133–154.
3. Berberova N.N. Kursiv moj: Avtobiografija / [Italics mine: Autobiography] Moscow: Soglasie, 1996. 736 p.
4. Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. Moskow: Nauka, 1997. T. 3: Stikhotvorenija. Kniga tretja. 994 p.
5. Brjusov V.Ja. Sobranie sochinenij: v 7 t. Moscow: Hudozh. Lit, 1973. T. I: Stikhotvorenija. Poemy. 1892–1909. 672 p.
6. Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. Moscow: Voskresenje, 2006. T. 2: Stikhotvorenija (1912–1952); Povesti, rasskazy (1902–1910). 592 p.
7. Gumilev N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. Moscow: Voskresenje, 1998. T. 2: Stikhotvorenija. Poemy (1910–1913). 344 p.
8. Losev L.V. Real’nost’ Zazerkal’ja: Venecija Iosifa Brodskogo // Inostrannaja literature. 1996. № 5. P. 224–237.
9. Muratov P.P. Obrazy Italii. Moscow: Respublika, 1994. 592 p.
10. Mednis N.E. Venecija v russkoj literature. Diss. dokt. fil. Nauk. Novosibirsk, 1999. 392 p.
11. Mednis N.E. Sverhteksty v russkoj literature. [literature]. Novosibirsk, 2003. 170 p.
12. Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. Moscow: SLOVO/SLOVO, 2003. T. I: Stikhotvorenija i poemy 1912–1931. 576 p.
13. Rozanov V.V. Sobranie sochinenij: Sredi hudozhnikov. Moscow: Respublika, 1994. 494 p.
14. Uspenskij P.F. Tvorcestvo V.F. Khodasevicha i russkaja literaturnaja tradicija (1900–1917). Tartu: University of Tartu Press, 2014. № 32. 214 p.
15. Ustinov A.B. Venecianskij roman Vladislava Khodasevicha // Vademecum: K 65-letiju Lazarja Flejshmana Moscow: Vodolej, 2010. P. 92–117.
16. Khodasevich V.F. Sobranije sochinenij: v 4 t. Moscow: Soglasije, 1996. T. 1: Stikhotvorenija i literaturnaja kritika 1906–1922. 591 p.

17. Khodasevich V.F. Sobranije sochinenij: v 4 t. Moscow: Soglasije, 1997. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine. 592 p.
18. Shubinskij V.I. Vladislav Khodasevich: Chajushhij i govoryashhij. Moscow: Molodaja gvardija, 2012. 523 p.
19. Hughes R.P. Khodasevich in Venice // For SK. In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky. Berkeley, 1994. P. 145–162.

About the author

Sukhoeva Daria Alexandrovna, Lecturer of the Department of Russian Literature, Perm State University; e-mail: darya.sukhoeva@gmail.com